

Костина Ирина Борисовна

ЯЗЫКОВАЯ ПРАКТИКА ЛИЧНОСТИ КАК ОСОБЫЙ ВИД СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье рассматривается личностная специфика языковой практики, анализируются преимущества и недостатки технократического подхода к исследованию коммуникативной рациональности. На основании концепции дискурсивной этики Ю. Хабермаса и разработок российской эпистемологии показывается, что дискурсивные особенности практического знания не только обеспечивают технические условия совместного действия, но и служат средством установления отношений взаимопонимания и солидарности между людьми.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/12-1/27.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (50): в 3-х ч. Ч. I. С. 113-115. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 364.1

Философские науки

В статье рассматривается личностная специфика языковой практики, анализируются преимущества и недостатки технократического подхода к исследованию коммуникативной рациональности. На основании концепции дискурс-этики Ю. Хабермаса и разработок российской эпистемологии показывается, что дискурсивные особенности практического знания не только обеспечивают технические условия совместного действия, но и служат средством установления отношений взаимопонимания и солидарности между людьми.

Ключевые слова и фразы: языковая практика; дискурс; практическое знание; ситуация совместного действия; личностное знание; этические нормы; отношение к труду.

Костина Ирина Борисовна, к. филос. н., доцент

Воронежский государственный педагогический университет

kib999@inbox.ru

ЯЗЫКОВАЯ ПРАКТИКА ЛИЧНОСТИ КАК ОСОБЫЙ ВИД СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ[©]

Понятие языковой практики актуально, прежде всего, для эпистемологических исследований, в которых оно обозначает особый способ употребления языка в рамках некоторого сообщества [1, с. 263]. Социальная эпистемология во многом опирается на теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса и нивелирует роль субъекта познания, ставя его в зависимость от механизмов объективации и стандартизации знания в научно-теоретической и практической деятельности людей. Цель данной статьи состоит в том, чтобы на основе разработок российской эпистемологической школы показать личностную специфику и дискурсивные особенности практического знания в аспекте современных подходов к анализу коммуникативной рациональности.

Наиболее подробно коммуникативные аспекты социального взаимодействия анализируются Ю. Хабермасом, который входит в число немногих мыслителей, пытающихся дать формальное обоснование практическому разуму. Разрабатывая понятие коммуникативной рациональности, Ю. Хабермас выделяет два типа социального действия: 1) инструментальное, основанное на эмпирическом знании в сфере труда и 2) коммуникативное, под которым понимается взаимодействие между людьми, упорядочиваемое согласно социальным нормам. Если инструментальное действие ориентировано на успех, то коммуникативное действие – на взаимопонимание индивидов, их консенсус. В концепции дискурс-этики Хабермас приходит к выводу, что «разговорный язык, средство нашей повседневной практики» не только обеспечивает коммуникацию между людьми, но и является важнейшим ресурсом общественной интеграции. «Наряду с такими средствами, выходящими за рамки единичных интересов, каковы деньги и власть, взаимопонимание и солидарность образуют третий, и фундаментальный ресурс» [4, с. 94].

По мнению Хабермаса, «существуют универсалии употребления языка, в которых уже заложен универсалистский моральный принцип» [6, S. 25]. Его формальное обоснование не представляется возможным, тогда как содержательные, эмпирические интерпретации постоянно осуществляются теми членами сообщества, которые посредством используемого ими разговорного языка поддерживают общее для них представление о мире. По-видимому, Хабермас имеет в виду этические нормы естественного языка, которые обеспечивают процессы взаимопонимания и солидарности между людьми.

В этом отношении хотелось бы подчеркнуть фундаментальную мысль И. Т. Касавина, согласно которому «этическая легитимность норм требует дискурсивно сформированного признания всех участников ситуации» [2, с. 81]. Речь идет о том, что ценностные основания дискурса, составляющие фундамент общего представления о мире, не могут быть получены эмпирическим или логико-аналитическим путем, поскольку «чувства играют такую же роль в этическом обосновании, как и эмпирические факты – в научном» [Там же, с. 82]. Под таким углом зрения понятие языковой практики приобретает оттенки личностного знания и может быть рассмотрено как особый вид дискурса, который, по убеждению И. Т. Касавина, представляет собой «живую деятельность, а не конечный результат, практическое, а не теоретическое предприятие» [Там же, с. 85].

И. Т. Касавин отмечает, что «дискурс – посредствующее звено между текстом и контекстом, позволяющее сделать один текст контекстом другого» [Там же, с. 93]. В предложенной трактовке дискурса И. Т. Касавин дистанцируется от его постмодернистского понимания как некоей разновидности текста. В эпистемологической интерпретации дискурс становится открытой формой социального взаимодействия, существующей на основе диалога. Соответственно, текст, как и любая законченная речь, имеет монологическую форму существования. В отличие от текста дискурс является принципиально незавершенным процессом, подразумевающим «живой социальный акт дискуссии, или коммуникации. Он опосредует собой взаимодействие индивидуальных социальных субъектов и социальных структур» [Там же, с. 86]. Иными словами, если дискурс «тождественен практике употребления естественного языка» [Там же, с. 89], то языковая практика личности становится манифестацией этических норм того сообщества, к которому принадлежит данная личность.

К сожалению, в западных исследованиях коммуникационного процесса изучается, прежде всего, инструментальность (техничность) социального действия, но не его коммуникативность. Начиная с 70-х гг. XX века, когда Н. Луман предложил определить социологию как теорию социальных систем, а Ю. Хабермас назвал

эту теорию «высшей формой технократического сознания» [7, S. 371], в социально-философских исследованиях преобладает методология социального конструктивизма (П. Бергер, Т. Лукман, Б. Латур, Б. Барнс, К. Кнорр-Цетина и др.). Одним из постулатов конструктивистской парадигмы является представление о том, что практическая деятельность людей составляет чисто технический аспект коммуникационного процесса, имеющий косвенное отношение к целеполаганию, языковой деятельности и генезису знания. В конструктивистских теориях социальная реальность порождается и институционализируется процессом взаимодействия эмпирических субъектов, мотивируемых здравым смыслом и прагматическими соображениями.

Так, в теории институционализации П. Бергера и Т. Лукмана, исследующих социальный порядок в естественной феноменологической установке, выделены три этапа формирования социальных норм и отношений: типизация, объективация, легитимизация. По мнению ученых, любое часто повторяющееся действие с течением времени типизируется и может быть выполнено образцово-показательно, т.е. максимально эффективно с точки зрения экономии времени и усилий. На этапе типизации формируется первичный социальный контроль, регулирующий порядок и правильность совершения операций. Возникающие в результате указанного социального взаимодействия отношения имеют объективированную (предметную) форму представлений, норм и моделей поведения, которые первоначально существуют в неотрефлексированном виде и называются в российской эпистемологии нормативами, т.е. непосредственными образцами деятельности, которые легче показать, чем описать словами [3, с. 194-195].

Дискурсивная обработка и процедура обоснования нормативов с точки зрения статусно-ролевой структуры социума составляет процесс легитимизации социальных норм. Как и другие социальные процессы, легитимизация нормативов осуществляется конкретными людьми, представляющими интересы конкретных социальных групп, с позиций которых формируются соответствующие дискурсы. В них фиксируются имеющиеся процедуры деятельности и разрабатываются санкции, направленные на поддержание данных процедур. Институционализация наличных нормативов деятельности придает им статус структурных элементов социального мира.

Необходимо отметить, что поставленный П. Бергером и Т. Лукманом акцент на процедурах и санкциях социального взаимодействия указывает на тот факт, что за личностью в данном процессе закрепляются чисто технические функции инструментальной обработки предмета деятельности. С таких позиций ни коммуникативный, ни творческий потенциалы личности не учитываются, и сама личность предстаёт в строго эмпирическом, единичном аспекте, абсолютизация которого, согласно Ю. Хабермасу, чревата экспансией экономической и бюрократической рациональности в феноменальные структуры жизненного мира [4, с. 95].

Технократический подход к специфике личностного бытия обнаруживается и в теории атрибуции, опирающейся на радикальный конструктивизм П. Ватцлавика и Э. фон Глазерсфельда и теорию автопоэтических структур У. Матураны и Ф. Варелы. Под атрибуцией обычно понимают объяснение чужого поведения в условиях дефицита информации. Начиная с работ Ф. Хайдера [8] и Г. Келли [9], установивших корреляции процесса атрибуции с типовыми переменными действиями Т. Парсонса, в западных исследованиях данный процесс изучается с позиций социальной категоризации, т.е. редукции наблюдаемого поведения к действующим шаблонам и стереотипам. Индивид в подобных исследованиях приравнивается к живому организму, адаптация которого к внешнему миру реализуется безмолвно, посредством условных рефлексов. Бихевиористская подоплека технократического подхода становится особенно наглядной, если обратить внимание на последние разработки проблемы атрибуции английскими и австрийскими учеными, изучающими моделирование «параметров настройки успеха» на основе достижений нейробиологии в области исследования мозговых реакций [10].

Показательно, что бихевиористская фундированность англо-американской философской мысли проявляется не только в области социальной психологии, но и в социологии массовых коммуникаций. Так, широко известная формула Г. Д. Лассуэлла «кто говорит – что – кому – по какому каналу – с каким эффектом», ставшая классической в теории коммуникаций, также применяется в основном в качестве технической инструкции. Существующие модели коммуникации (линейная, транзакционная, интерактивная) рассчитаны исключительно на инструментальное действие, при котором другой человек воспринимается как средство достижения собственных целей. Отсутствие ценностно-нормативных оснований и этических ограничений компенсируется в бихевиористском подходе абстрактными апелляциями к моральным основаниям культуры. При этом процесс общения отождествляется с коммуникацией и рассматривается как процесс кодирования/декодирования информации. Ни о какой солидарности, взаимопонимании и тем более – совместном действии речи не идет, да и не может идти по той простой причине, что личность в бихевиоризме мыслится сугубо эмпирически как ловкий и эффективный субъект, умело направляемый к достижению поставленных целей.

Возвращаясь к традициям континентальной философии, хотелось бы немного остановиться на специфике практического знания, в котором личностная составляющая представлена наиболее полно. Как отмечает С. П. Щавелёв, «практикам приходится рассуждать над своими насущными задачами по ходу самой жизни, глядя на мир «изнутри» разнообразных видов деятельности» [5, с. 160]. Такая позиция накладывает соответствующий отпечаток на когнитивную структуру практического знания, для которого характерна, во-первых, ориентация на конечный результат деятельности, во-вторых, полноценное знание объекта, необходимое для обеспечения эффективности труда. В таких условиях внимание личности сосредоточивается на алгоритме деятельности, который должен быть выдержан, несмотря на множество преград и ограничений пространственного, временного и социального характера, постоянно возникающих в ситуации практической деятельности. «Держа в уме очередную цель своей умственной и физической работы, опытный деятель предпочитает обдумывать ее поэтапно, дабы не переусложнить схему вариантов своего поведения» [Там же, с. 163].

Другим немаловажным обстоятельством выступает наглядно-образный характер практического знания, довольно часто отождествляемого с обыденным сознанием [Там же, с. 166]. По мнению С. П. Щавелёва,

«гораздо логичнее сравнивать повседневное сознание с психикой человека, измененной праздничным или вообще ритуальным экстазом. Ведь чувства и мысли как теоретика, так и практика нуждаются по временам в отдыхе от должного и серьезного» [Там же, с. 167]. В интервалы отдыха интенция практического сознания меняется, разворачивая его от производственно-технической к нравственно-эстетической стороне жизни, наличие которой только и делает возможным осмысленное отношение к труду. Более того, в своих развитых формах «подлинно практический разум предусматривает одухотворенность жизни» [Там же, с. 165].

Как отмечает С. П. Щавелёв, практическое познание по природе своей является открытой системой, предполагающей решение не только типических, но и сложных, нестандартных задач с использованием импровизации и творческого подхода. Осуществляя самооценку и прислушиваясь к мнению окружающих, субъект деятельности вырабатывает собственное отношение к труду, коррелирующее с мнением окружающих. При этом качественное исполнение работы нуждается в скрупулезном и методичном поддержании рабочего консенсуса, необходимого для нормальной деятельности, поскольку в противном случае практическое предприятие оказывается под угрозой срыва. Совершаемые работником операции с предметом, как правило, являются открытыми для наблюдения и понимания других людей, а поступающие от них сигналы, отклики и пожелания образуют множество артикулированных оценок труда, которые воздействуют на психику, поддерживая личностную уверенность субъекта в успехе предприятия или навязывая ему комплекс «неполноценности». «Ведь чувственно-предметную деятельность сопровождает личное соперничество, даже противоборство людей, их характеров, чувств и настроений, мотивов и целей. Поэтому влияние индивидуальных различий и межличностного общения на когнитивные процессы практики особенно велико» [Там же, с. 164-165].

Таким образом, еще одним важнейшим аспектом практического знания выступают индивидуальные различия и субъективные оценки предметной деятельности. Их вербальное оформление генерируется личностным образом и осуществляется в этическом плане при наличии чувственно осязаемого рабочего консенсуса. Соответственно, ситуация совместного действия может быть описана как множество точек зрения на происходящие изменения, в каждой из которых от практически действующего субъекта наряду с практическим результатом ожидается его способность аргументировать избираемый им способ действия.

В заключение нужно отметить, что языковая практика личности является особым видом социального взаимодействия, в основании которого находится диалогическая форма контакта с миром. Личностная специфика языковой практики проявляется, во-первых, в манифестации этических норм представляемого ею сообщества; во-вторых, в утверждении технических норм совместного действия. Принимая форму дискурса, языковая практика личности средствами естественного языка устанавливает рабочий консенсус и способствует формированию между людьми отношений сотрудничества и взаимопонимания.

Список литературы

1. Гутнер Г. Б. Эпистемология и анализ языковых практик // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / под ред. И. Т. Касавина. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2010. С. 263-278.
2. Касавин И. Т. Дискурс // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / под ред. И. Т. Касавина. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2010. С. 77-93.
3. Кузнецова Н. И. Нестандартная эпистемология в отечественном исполнении (сравнительный анализ концепций Г. П. Щедровицкого и М. А. Розова) // Эпистемология & Философия науки. 2012. № 2. С. 184-200.
4. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М.: ИФ РАН; АО «КАМ», 1995. 245 с.
5. Щавелёв С. П. Практическое знание // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / под ред. И. Т. Касавина. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2010. С. 160-178.
6. Habermas J. Moralität und Sittlichkeit. Frankfurt am Main, 1986.
7. Habermas J. Zur Logik der Sozialwissenschaften [On the Logic of the Social Sciences]. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1982. 607 S.
8. Heider F. The Psychology of Interpersonal Relations. New York: Wiley, 1958. 322 p.
9. Kelly H. Attribution Theory in Social Psychology // Nebraska Symposium on Motivation / ed. by D. Levine. Lincoln: University of Nebraska Press, 1967. Vol. 15. P. 192-238.
10. Terbeck S., Chesterman P., Fischmeister F. Ph. S., Leodolter U., Bauer H. Attribution and Social Cognitive Neuroscience: A New Approach for the «Online-Assessment» of Causality Ascriptions and Their Emotional Consequences // Journal of Neuroscience Methods. 2008. Vol. 173. P. 13-19.

LANGUAGE PRACTICE OF INDIVIDUAL AS SPECIAL KIND OF SOCIAL INTERACTION

Kostina Irina Borisovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Voronezh State Pedagogical University
kib999@inbox.ru

In the article the personal specificity of language practice is considered, the advantages and disadvantages of technocratic approach to the study of communicative rationality are analyzed. On the basis of J. Habermas's conception of discourse-ethics and the developments of the Russian epistemology the author shows that the discursive peculiarities of practical knowledge not only provide technical conditions of joint action but also serve as a means of the establishment of the relations of mutual understanding and solidarity between people.

Key words and phrases: language practice; discourse; practical knowledge; situation of joint action; personal knowledge; ethical standards; attitude to work.